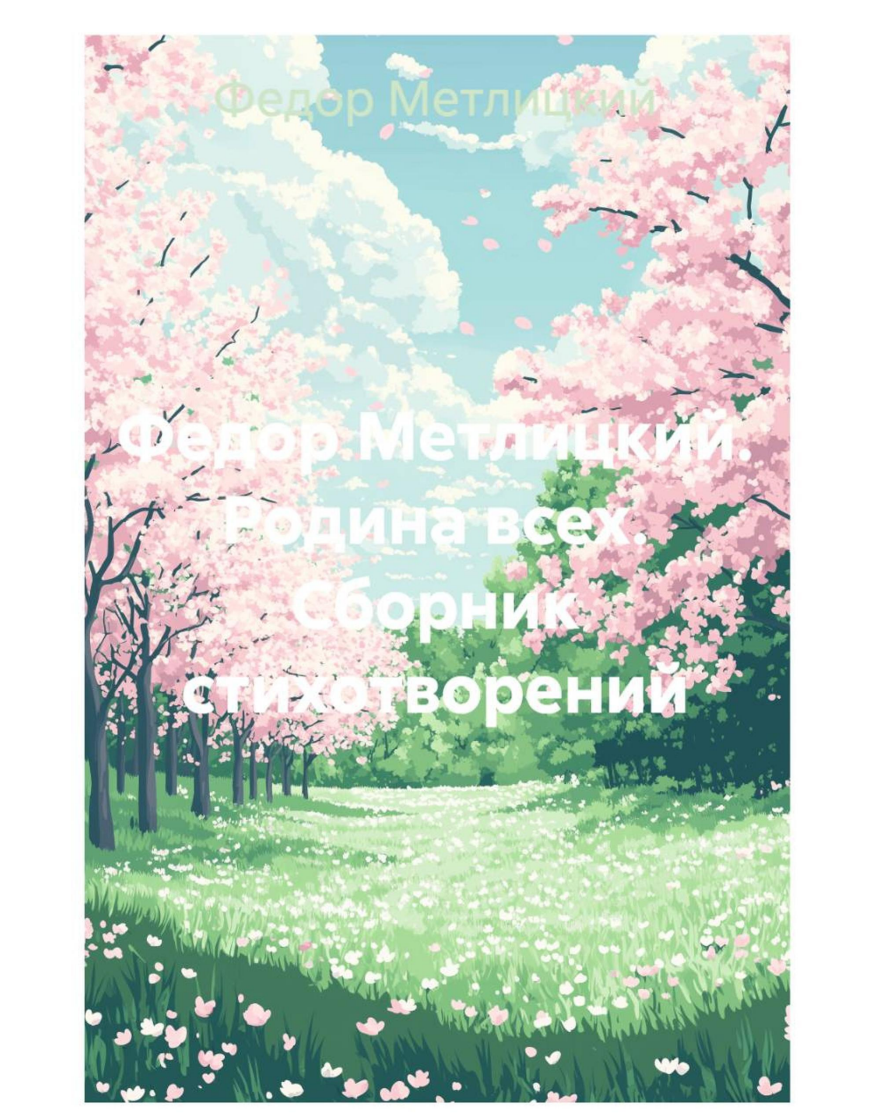

Федор Метлицкий

Федор Метлицкий.
Родина всех.
Сборник
стихотворений

Федор Метлицкий

Федор Метлицкий. Родина всех. Сборник стихотворений

<https://litres.ru/73578364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стихи написаны в 80-90х годах прошлого века, которым автор не придавал серьезного значения. Они взяты из старых дневников и сгруппированы в циклы. Стихи возвращают к исходным переживаниям человека, жизни и смерти, стремлению к недостижимому, где только и возможно исцелиться, родине всех.

Лирический герой уже отличается от стандартного советского «мы» 30-х, вырывается из клетки узкой идеологии и бездуховности, может быть, телесного бытия. В них уже нет надежд 60-х прошлого века, и взгляд обращается в далекое время, когда люди будут иными.

Содержание

Глава	4
МЕЖ БЕЗДНОЙ И ИСТОРИЕЙ	5
В ГЛАЗАХ ЦВЕТНЫЕ ПЛЯСКИ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Федор Метлицкий.

Родина всех. Сборник стихотворений

Глава

В стихотворных образах сборника – попытка примирить утопию с реальностью. Где же родина, вне боли и одиночества, вне потерь?

В одинокой свободе сада?

В глубинной вере веков, открытой кладкой XII века под разрытой площадью старинного русского города?

В «яром, нетронутом рае» дымковских игрушек?

В могучем шествии рабочих людей на Пятой авеню в Нью-Йорке, где «уверенно бьют барабаны вечный ритм ликования в единстве»?

В новизне мира? "Какое счастье – новизны истоки в нас вечны, лишь ступи за край забот"?

Вывод книги: в «родине всех», куда должна вернуться заблудшая душа человечества. *И в какие б ни канул свободы, Все томит меня ноша, как грех – Одиночество без заботы, Что излечит лишь родина всех.*

МЕЖ БЕЗДНОЙ И ИСТОРИЕЙ

И ОТКРЫЛИСЬ ПРИЧИНЫ САМИ СОБОЙ

Душа в раскрытый космос опрокинута,
Летит над поделенною Землей,
Где в одиночестве была покинута,
Как в клетке, обреченная судьбой.
Нигде – границ, лишь светятся туманы,
Да и сама Земля – участник тех
Великих катастроф – законов странных,
Чья цель – иная, чем лишь наш успех.

Первый космический полет

Чем захлебнулся у телевизора
Всякий живущий на трудной земле?
Что отпустило, чем сердце пронизано,
Слез облегченья сдержать не сумев?
Это – уход в Иное Гагарина!
Может быть, все мы оттуда пришли?
Мир, где разладом мы не были ранены,

И было открыто величье причин.

Н Л О

Нервы все взбудоражены, обнажены
Всею голой Землей – беззащитно пред небом.
Что обещано диском света живым
Бьющим прямо в фонарь самолета нелепо?
Вдруг из диска лазерный луч на волне
Опустился на почву загадки-планеты,
И расширился конус его, побледнев,
Обнажив отчетливо наши приметы.
Как сильна гуманоидов сила луча –
Одинокость вселенной, далекой от дома.
Луч поднялся, и нас ослепил, не леча,
Белой вспышкой в кругах цветных обездониw.
Это правда? Космический голос глубин
Весь громадно чуток и осторожен.
Что он ищет – какой небывалой судьбы?
Чем взволнован я, в космосе не отгорожен?
И пришелец смутился, от нас отлетев,
И в зеленое облачко вырос непленно,
И летел в карауле, храня в чистоте
Неизвестную жизнь у края Вселенной.

Астронавт

Как это страшно – не на Земле
Жить, о ее угрозах не зная, –
И вдалеке не ведать о зле,
Далью его миражи развевая.
Что же дальше? В иное прорыв?
Вакуум, холод – среда обитанья?
Там, в невесомости, страшны дары,
Необратимость в земные страданья.
Легкие – крыльев моих пузыри,
Хрупкие кости и тонкие ноги.
Где-то на дне атмосферы Земли
Предки остались в начале дороги.
Как земноводные, стали чужды,
Нет, и не вспомнится близость бывая.
Только лишь в памяти – прежняя жизнь,
И теплота, что нас вместе сбивала.

*

Да мыслимо ли исправлять миры?
Какая мука у звезды сверхновой,
Когда поля вопят, летя во взрыв,
Чтоб стихнуть в бездне пылью одинокой?
Они сражались до конца, дыша,
Но подчинились бытия движенью.
И мы, свободной волей жизнь круша,

От боли корчимся, ища спасенья.
И открываем связи с той звездой,
Как будто тем помочь себе мы можем...
А может быть, и наше поле ждет
Та боль свободы взрыва безнадежной.

*

И снова – путь из города в мой сад
От боли отвлеченьем – мимо, мимо.
Как ярко догорает листопад!
Уходит что-то в нас необратимо.
И снова – первозданный чужд хаос -
В сиянье света лунного в полнеба
Рыхлятся облака – пространство грез,
Торжествен дивный космоса молебн.
И, вырванный давно из духов тьмы,
Зарей на горизонте – город прочен,
И лишь вовне, за городом, томит
Остаток первобытных одиночеств.
Сиянье, перистость, провалы дыр...
Как небывало близко воскресенье!
Как долго уходил слепой наш мир
В самоустройств разорванных паренье!
И все же строит нас инстинкт Творца -
Асфальт шоссе уходит в ту же тайну.
Та одинокость пред сияньем царств -

Меж бездной и историей стоянье.
В свободу небывалых катастроф
Уходит взгляд, и все в глазах поплыло.
Летит он в светлый и бездонный ров,
Где так легко исчезнет все, что было.

*

Что в скорби, глубоко засевшей,
Как в мироздании порок?
Хотя земля в цветенье вешнем
Рождений влажных – в рай порог

*

История живет в сознании,
В проекциях его пути,
Рожденных бредовыми снами,
Где полных истин не найти.
Обрывочна, рождаясь зыбко,
Как движущиеся облака,
Уходит, оставляя слепки
Лжи образа в словах, руках.

*

Творцы: мир современный – ходуном,
И в форме не застыл для обобщений;
Певцы: о красоте лишь об одной,

Как бы она – не из смертельных щелей.
Плановики: на боль – ножами схем,
Как будто жизнь не в обоюдном ладе,
Горбами власти над природой сев,
Но в ткани той живой – есть боль расплаты.

*

Нас формирует день – тематикой редакций,
Каких-то юбилеев, дат, погод,
И мысль в своем вниманье – адаптаций
Лишь результат – куда ее несет?
День сам в себе, в истории – самоцелью
Куда-то раскрывает интерес.
А что – во вне, что всем, себе ли ценно?
А может, там вся правда позарез?

О красоте

Зачем вам знать, как вырывают с кровью
все прежнее, а без него – не жить,
что в муке ожидания в изголовье
безмерной чернотой оглушит?
Мать, перед тем как тело уносили –
какому подотчетная суду? –
сказала сестрам:
– Чтобы все... красиво, –
на место ставя вашу красоту.

Молебен

Роскошь отсвечивающего иконостаса,
Пышное золото – это ли рай?
Боже (кто знает?), спаси эту массу,
Выведи в твой поражающий край!
«Князя Игоря» ли декорации,
В оперном – родина подлинных чувств?
Древней ли веры в спасение краски?
Черные братья – уже чересчур.
Что за мистерия – не для игры там
Души в надежду всерьез вовлекла?
Спор философский не кончен – открыта
Тайне душа и в грядущих веках.

Тайная страсть

Что нашел я – жило во мне свойством.
Ясность тупо саднила всегда.
И недаром влекло беспокойство
Нерешенности – чеховский дар.
Лишь в тревоге неясной – движение,
Уточнение, открытие себя.
Не конечно мое озаренье,
Лишь за ним, в новой смуте – весь я.
Там – покой истин новых и полных,
Чтобы снова саднили чужим.

Снова нужно глядеть в тот бездонный
И извечный колодец души.

Новый год

Вновь поэты – о торжестве лесном заснеженном,
Не узнав вековых оттенков тоски,
Вновь рождественской сказкой мечты отдаленной
Мир весь сентиментален, себя не открыв.
В детях – счастье все позабыть – космонавтов
В дивном блеске игрушек планеты иной.
Ну, а мир – он все давно понимает,
Чтобы вспыхнуло так беззаботно оно.

*

Смеется человек. Смеется гостя.
То смех забот и любопытства, пуст.
Какая бездна отделяет грозно
Ее от моей боли – не пробуюсь?
Какая глубина меня незнания
Оставила в сиротстве бедный дух?
Но лишь пронзит чистейших чувств признание –
Боль обнажится, утончится слух!

*

Выпускницы плачут, уткнувшись в цветы.
Что уходит – звонком безмятежным и вечным?

Ничего не известно, и больно не стыть
И не знать о несбывшемся и не встреченном!
Это жизнь – нестерпимо манящая даль,
Только даль, пусть будет их путь заурядным,
Жизнь всегда начинается. Мы – навсегда.
Пусть ничто не свершилось – таимся зарядом.

*

Встреча двух союзников – слез исторжение –
Разве я такого не испытал,
Как того пораженное воображение,
Кто на Эльбе себя схоронить завещал?
Был и я на встрече народов размытой,
Открывалось и мне их иное лицо.
Непонятное в душах было разлито,
Слов в открытую не было у подлецов.
На всемирных ярмарках – зорях грустящих
О единстве, где жить мне не суждено,
В ритуалах сделок – доверьях светящих,
И угаснуть им в памяти не дано.

*

Не привычные вечера
В дни рождений и даты фиксированные –
Собирает нас вечная страсть,
Чтобы лучшие годы не сгинули.

Так в слепящую даль Одиссей
Уходил, как в мираж бесконечный,
И вернулся ни с чем, поседев,
Пожилой Пенелопе навстречу.

*

Ставшая иной, природной драмой,
Ясная Поляна в естестве.
Занесло из нашей жизни странной
В мир иной чистейших горьких вер.
Как целебны соприкосновенья
И слияния с чужой судьбой,
Чьи страданья, боли, возрожденья
Хоть на миг становятся тобой!
Наконец открытые глубины
Человечьей боли и надежд
Мне ясны, и нет судьбы-чужбины
Нам чужой, и мы едины впредь.
Общая ль судьба? – в лесу затерянной
Без креста могилки – мы одни.
Как хотел он раствориться в вере
В вечность, шелестящую над ним.

На рынке

Поражают свежестью розовой туши,
Веселят роскошно парные куски.

Поросята белы, окровавлены уши, -
Как христосики, сняты с крестов – на лотки.
Чье-то мясо хваля: хорошо от склероза!
В шубах пара прошла, как будто в броне.
Ни намек сомнения, ни вопроса
(Жизнь в бездумно сосущем чреве – прочней).
Смотрит доченька в страхе: «Какая гадость!»
На костре опаленная шкура бела.
«Поскорее уйдем!»
«Ну что ты, не надо».
И такая боль за родную ожгла!

*

Я вышел на Красную площадь,
В истории вольный полет,
Где башни сказочной мощи,
Нетронутой силы оплот.
Когда-то в спасенье, не в почести –
В наш век возрожден мавзолей.
Неужто странной очереди
От сказки той веселей?
В расчете взнесенная кем-то
И боль родни оскорбив,
Гонителя интеллигентов
Мумия – в чудо призыв.
По каменной шири разиней

Иду, как в беспамятном сне,
И вижу – здесь площадь разрыли,
Как душу, в кладке-бронне.
Черна мостовая – дровами
Тринадцатый век обнажен.
Что в нас, зеваках, дремало,
И вдруг родным обожгло?
Какой же светит опорой
Глубинная вера веков?
То родины сняты заторы,
В которой бессмертно легко.

Вечный огонь

Это в нашей крови – в облетевших веток свободе
Парка стройного – так печаль высока!
Что же мы в пустоте по плитам дорожек проходим?
Нам свобода от мимо снующих так далека.
Здесь единства знаки каждому зримы отдельно.
Древним вечным огнем в нас обвык
неизвестный солдат,
И невесты фата лишь белым краем заденет
И в свое упрямое счастье уйдет навсегда.
Вот она – прощальная яркость и длинные тени печали,
Непонятной печали солнцем оставленных ниш.
И стена кремлевская – в нас старинным молчаньем,
И еще неизвестным – за гребнем –

райского города крыш.

На север от Москвы

На пятачке земли – так жизнь густа!
Лишь выберешься из Москвы на север –
Набито селами, и все места
В бессмертие историей засеяны.
Как силы юны – кружева плести
Нежнейших вер – наличников оконных,
Нетленно крепость духа пронести,
Не надорвав в тревогах современных.
Дух перегонов конных здесь – гуляй
И в безграничье сил тyani, Икарус,
Пусть в обмороке снега спят поля,
Где люди потаенно затерялись.
Здесь жизнь надежна в наслоеньях лет,
И дальше – всюду по земле бескрайней.
Я ухожу в тысячелетний свет,
Что не убить в нас никаким стараньем.

Грумант

Корабль АН СССР – в мальчишьем уходе
В таинственный сумрак иных, в снегу, берегов.
И в темных остатках сруба что-то находит
Душа, откликаясь на кровный, таинственный зов.
На кости китовой – что имя поморское, гордо,

Как солнце России, бессмертно живое «Ондрей»?
И что в суровом «Преставися мирянин от города»
На темной доске –
Что в ночи северной ей?

*

Как и не было грусти!
– Разве пора?
Дымковские игрушки –
Яр, нетронут рай.
Женихи, невесты
Пялят точки-глаза –
Пули жизни тесной,
Без сомнений телеса.
Всех желаний веер,
Спектром жизнь ярка,
В животворной вере
Феерия индюка.

Деревня

Художники-бородачи странны,
Их опасаюсь, избранно смотрящих.
Но вот – пейзаж игрушечной страны!
Ее, как нашу душу, создал прашур.
Игрушкой в пятнах – весь заляпан, холст
Мой дух в наивность первых вер уводит, –

В деревне небывалой я не гость,
Здесь все, чего хотел бы на исходе.

Старушки

На выставке комнатных нежных
Растений – старушек душа
Вся светится в спорах прилежных –
Судьбы утончившийся жар.
Белопероне капельная,
Калерия, флоксы в саду.
Цветное вечное пение –
Бессмертье невыцветших душ.

*

Провинция нетронута звенит
В душе народной воздухом доверий –
Откуда-то из древних вер возник
И не исчез, и обновленьем веет.

Свет окраин твоих – неизвестность,
Остановлен вне времени век.
В глупом, чистом теряется скепсис,
Все неверье эпохи калек.

*

Где-то в северной глухомани –

Опустевший, в зиянье окон
В веке нашем антигуманном
Гибнет русский наш Парфенон.
Староверский храм непокорный,
Не для пользы, а для души,
Проносил сквозь столетия гордо
Веру в новую чистую жизнь.
Предрешен канцелярской бумагой
И покорен смирившийся люд.
Но всегда в непонятной отваге
В нем чудесные силы встают.
Вот студент, искавший опоры,
Поняв плотницкую чистоту,
Взялся методом переборок
Воскресить былую мечту.
Пусть и долго это, и скудно,
И испуг, и зависть порой,
Но стоит там храм неподкупный
С той поры, в глухомани лесной.

Бабка-художница

Трагедия судьбы – избенки нищей,
Великое терпение и глад,
Где вырвано родное – в то огнище
Ушел – пресветлым утром! – муж-солдат.
Там бабы Любы время отшумело.

А нынешние – пуст и чужд их взгляд.
Кого б рядом – для слова, не для дела,
Ведь ей не много надо – был бы рад.
Какое ей богатство – серебристый
Туман над речкой, где стояла с ним,
И травы изумрудные, и чистый
Зеленый гнется лес – из той весны!
И снова силы юные, как прежде,
И страшной пустоты как будто нет,
И краски ль это, или взлет надежды
В последней и томящей тишине?

*

На Руси – христианства тысячелетье.
Кто сказал: нет древней русской души,
Что она родилась в первозданном полете,
А не светлую церковью видела мир?
Кто сказал, что тысячелетье бесследно?
Ваша вера выдержать век не смогла!
Возвращается нечто, что было последним
В человеке, чтоб гнева боль не сожгла.

В ГЛАЗАХ ЦВЕТНЫЕ ПЛЯСКИ

Выставка

Захожу – и вспышка аккордами красок!
Оживают пейзажи безбольной страны.
Исчезает с лиц открытых бесстрашие
И в доверии души обнажены.
Выхожу – и улица в ярком цветении.
Но проходит минута – окрестность уже
Вновь тускнеет в загадочном осложнении,
В равнодушии толп снова трудно душе.

Художники на Арбате

Выйти, выйти мы договорились
В улиц сырость открытую – чем
Разогнать непонятную примесь
Грустных чувств, не пригнувших совсем.
Может, этому быть на Арбате?
Ах, как верно стремилась душа,
Как раскрылась художникам-братьям,
Словно вышла на волю дышать!
Чем так мило новое племя
Наработанных попусту сил,
И кого отвергнуло Время

И Союз художников скрыл?
Здесь рисуют профили новые,
Оттеняют смелость одежд,
И смешения здесь модерновые
Форм и стилей – пробитая брешь.
Милы зданий нежные краски
То ли памяти, то ль новизны –
Реставратор припомнить старался,
Как мечту, старинные сны.

*

Расколосось мое застывшее,
Устоявшейся жизни склероз.
В споры авангардистов я вышел –
В молодых художников рост.
Я не знал, что пивные кружки,
Современной воблы хвосты
В измерениях новых кружат –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.